

Илья Березин

Под пальмою

Илья Березин
Под пальмою

«Public Domain»

1856

Березин И. Н.

Под пальмою / И. Н. Березин — «Public Domain», 1856

«...Когда, за несколько станций до Тебриза, я встретил армянского негоцианта, возвращавшегося из Индии, и послушал его рассказов о нестерпимом зное, неудобствах и опасностях пути и о многих других поэтических прелестях путешествия по Персии, Персидский залив и Бендер-Бушир представлялись мне в каком-то тумане недостигаемой дали. Нет ничего хуже подобных встреч и подобных рассказов, рассчитывающих большею частью на эффект. К счастью, натура человека вообще и натура путешественника в особенности довольно упруга, и, слушая затейливые рассказы бывалого человека, путешественник держит себе на уме такое хвастливое слово: "А вот мы поедем, так будет не то, для нас и палящее солнце скроется за облака, и удушливый самум убежит на остров Буян, и дикие звери спрячутся в пещеры, расцветет пустыня, и люди обратятся в добряков..."»

Илья Николаевич Березин

Под пальмою

Когда, за несколько станций до Тебриза, я встретил армянского негоцианта, возвращавшегося из Индии, и послушал его рассказов о нестерпимом зное, неудобствах и опасностях пути и о многих других поэтических прелестях путешествия по Персии, Персидский залив и Бендер-Бушир представлялись мне в каком-то тумане недостижимой дали. Нет ничего хуже подобных встреч и подобных рассказов, рассчитывающих большею частью на эффект. К счастью, натура человека вообще и натура путешественника в особенности довольно упруга, и, слушая затейливые рассказы бывалого человека, путешественник держит себе на уме такое хвастливое слово: «А вот мы поедем, так будет не то, для нас и палящее солнце скроется за облака, и удушливый самум убежит на остров Буян, и дикие звери попрячутся в пещеры, расцветет пустыня, и люди обратятся в добряков. Да если бы и не так – продолжает держать к себе слово все тот же путешественник, – то мы перенесем какой угодно зной, одолеем всякую трудность и невзгоду, выдержим любую туземную болезнь и победителем выйдем из борьбы с людьми и природой».

Не помню, думал ли я это самое, слушая повествования индейского выходца, и однако же, волею, а больше неволею, так, а больше иначе, через четыре месяца я подъезжал к самому Бендер-Буширу, что на Персидском заливе. Довольно быстрый переход от цветущих долин казурных и взъерошенной вулканической почвы к ровной песчаной пустыне не мог не поразить меня: мне казалось, что я вступаю на пределы волшебной страны, где готовятся таинственные талисманы, которыми бредит весь Восток. Еще не далее как третьего дня я миновал несколько высоких горных перевалов (кутель), просто перевалов (гердене) и ущелий (тенг), а сегодня, то есть 8 мая 1843 года, очутился на обширной песчаной степи, которую с одной стороны ограничивает море, а с другой завершают далекие и не совсем ясные силуэты гор. Правда, накануне здешняя природа уже готовила меня к чему-то необычайному: дневной привал нашего каравана пришелся на песчаной долине, обставленной серыми скалами, глядевшими мрачно даже под лучами яркого тропического солнца; несколько огромных каменных глыб щетинились в самой долине, низринутые подземными судорогами; воздух струился запахом серы и нефти, от соседних минеральных ключей; речка Далег, орошающая долину, несла горько-соленую воду, и несмотря на то, при пожирающем полуденном зное, особенно нестерпимом на зыбучем песку степи, я находил единственную отраду в купанье там, где вода ела глаза и вертела во рту; в мелком и прозрачном песку на берегу речном прыгали и кричали красивые пестрые птицы, словно попугаи, приведшие нашего слугу армянина в такой восторг, что он объявил очень самоуверенно: «Скоро мы увидим и обезьян», и даже просил меня не шутя принять меры против нечаянного нападения этих хищниц.

Несмотря на такую обстановку, я не очень спешил на новый привал, утомленный и измученный несколькими ночами пути: в Персии переезды совершаются ночью, в избежание сильных жаров дневных. Впрочем, и спешить мне было не на чем: предвидя морской переезд из Бендер-Бушира, я сбыл за десятую часть цены коня своего еще в Ширазе и теперь странствовал на наемной кляче. Разумеется, кто опаздывал на привал, тот и терял, потому что раньше прибывшие занимали лучшие места; на этот раз не было очень завидно никому. Спутники мои, персияне, поселились под купою пальм, а на мою долю досталась только одна пальма, у которой коленчатый, не очень толстый ствол расходился наверху острыми продолговатыми листьями, не дававшими полной тени. Напрасно распорядитель каравана, «чарвадар-баши», озирали пытливым оком пустынную окрестность, чтоб найти какой-нибудь приют высокостепенному господину, «сааб-менсабу», русскому: как ни ворчал он на своих земляков, каких ни прибирал он

эксцентрических возгласов, которыми так богата персидская брань, а пришлось мне разбить свой лагерь под тощею пальмою. Может быть на такое же дерево сложили арабы свою песню:

«Слышал я ворона и сказал ему: нет!
Каркал он на верхушке пальмы.
Злополучен, кто преследуем врагами
И находится далеко от родины».

Прошу не смеяться над выражением «мой лагерь»: это – золотая правда. Прежде всего расстилается на земле ковер, потом в изголовье кладется седло и подушка, и над этим водружается зонтик, едва прикрывающий четверть жилища; далее располагаются мои два слуги армянина, с чайным и кухонным прибором, который впрочем весь состоит из медного чайника и котелка; еще далее устраивает свое жилище тот чарвадар, у которого я нанимаю выючных скотов для себя и для слуг. Очевидно, за недостатком других поразительных принадлежностей, у меня есть свой стан.

Я – да и не один я – всегда утверждал, что Восток неблагоприятен и жесток: печальная истина эта кидается в глаза путешественнику на каждом шагу. Посмотрите например на моего чарвадара: сбросив кое-как выюки с своих скотов, он развалился на песку и принялся глотать грязный и скверный соленый сыр, оставив животных на произвол судьбы. Покамест хозяин утоляет свой голод, лошади, за неимением в виду ничего лучшего, идут по песку, обнюхивая каждый бугорок; осел – тот не таков: он как будто знает тщету поисков в песчаной степи, он неподвижно утвердился на том месте, где пришлось ему остановиться с выюком; почувствовав облегчение от несоразмерной тяжести, осел, все еще покрытый «паланом», толстою подкладкою для выюка или седока, вытягивает шею, поднимает голову, долго пышет ноздрями и наконец оглушает всю степь страшным ревом. И друзья и недруги, хищные звери и мелкие ящерицы извещены о прибытии гостя в степь. Несмотря на такие выходки, не совсем-то приличные ослиному рангу, нельзя не заметить, что осла несправедливо обвиняют в лени, упрямстве и глупости, так что даже религиозное мусульманское поверье производит осла от коня, тогда как лошадь по тому же поверью произошла от ветра. И за эти-то вымышленные пороки немилосердно тиранят несчастного осла! Впрочем, что же тут и удивительного? Осел терпит от работника, работник от хозяина, хозяин от старосты, староста от окружного начальника, окружный от правителя области, правитель от первого министра... И потом это всеобщее давление на Востоке идет обратным путем, точно обращение крови в человеческом теле, и первый министр, сам того не ведая, терпит от последнего батрака...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.